

РОЗДІЛ 2

ЕМПІРИЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА

УДК 316.485.26

МИРОВАЯ ГИБРИДНАЯ ВОЙНА ИЛИ БУРЖУАЗНЫЙ БЛАНКИЗМ?

Ессе памяти концепта гибридной войны. Пусть покоится с миром

Кононов Илья Федорович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Старобельск)

У статті здійснено епістемологічний аналіз концепту «гібридна війна». Показано, що його поширення можна пояснити лише позанауковими факторами, аналіз яких здійснений у даному тексті. Акцентовано увагу на тому, що концепт «гібридна війна» виник у США. З'явившись як технічний термін, це словосполучення за Дж. Буша молодшого стало складовою частиною обґрунтування експорту демократії. Методологічною основою перетворення терміну «гібридна війна» у концепт стала теорія модернізації. Підкреслимо, що в Україні офіційними ідеологами створена метафізика гібридної війни, яка, зокрема, спирається на цивілізаційний підхід. Зазначено, що, з точки зору цього підходу, військовий конфлікт між Росією і Україною є ціннісним конфліктом, який неможливо раціонально розв'язати. Виявлено, що епістемологія «гібридної війни» занурена в інтереси правлячих класів консолідованого Заходу, Росії та України. Доведено, що подібні війни породжує явище, яке автор пропонує називати «буржуазним бланкізмом». Людські ресурси цього явища знаходяться в середовищі прекаріату, особливо його молодих представників, позбавлених реальних життєвих перспектив.

Ключові слова: гібридна війна, буржуазний бланкізм, транснаціональна буржуазія, Україна, Росія, Донбас, світова капіталістична система.

В статье предпринят эпистемологический анализ концепта «гибридная война». Показано, что его распространение может быть объяснено только вненаучными факторами, анализ которых осуществлен в данном тексте. Акцентировано внимание на том, что концепт «гибридная война» возник в США. Появившись как технический термин, это словосочетание при Дж. Буше младшем стало составляющей частью обоснования экспорта демократии. Методологической основой превращения термина «гибридная война» в концепт стала теория модернизации. Подчеркнуто, что в Украине официальными идеологами создана метафизика гибридной войны, основывающаяся, в частности, на цивилизационном подходе. Подчеркнуто, что, с точки зрения этого подхода, военный конфликт между Россией и Украиной является неразрешимым ценностным конфликтом. Выявлено, что эпистемология «гибридной войны» погружена в интересы правящих классов консолидированного Запада, России и Украины. Доказано, что подобные войны порождает явление, которое автор предлагает называть «буржуазным бланкизмом». Человеческие ресурсы этого явления черпаются в среде прекариата, особенно его молодых представителей, лишенных реальных жизненных перспектив.

Ключевые слова: гибридная война, буржуазный бланкизм, транснациональная буржуазия, Украина, Россия, Донбасс, мировая капиталистическая система

The article deals with the epistemological analysis of the concept «hybrid war». It is shown that its distribution can be explained only by non-scientific factors, the analysis of which was carried out in this text. Attention is drawn to the fact that the concept of «hybrid war» arose in the United States. Appearing as a technical term, this phrase under J. Bush Jr. became an integral part of the rationale for the export of democracy. The concept of modernization became the methodological basis for the transformation of the term «hybrid war» into a concept. It is emphasized that in Ukraine the official ideologists have created a metaphysics of a hybrid war, based in particular on a civilizational approach. It is emphasized that from the point of view of this approach, the military conflict between Russia and Ukraine is an insoluble value conflict. It has been shown that the epistemology of the «hybrid war» shipped to the interests of the ruling classes of the consolidated West, Russia and Ukraine. It is proved that such wars generate a phenomenon that the author suggests to call «bourgeois blanquism». The human resources of this phenomenon are drawn in the middle of the precariat, especially its young representatives, devoid of real life prospects.

Keywords: Hybrid warfare, bourgeois Blanquism, transnational bourgeoisie, Ukraine, Russia, the Donbass, world capitalist system

«Одним словом, неустанно стремитесь к тому, чтобы разрушить шаткое сооружение рыцарских романов, ибо хотя у многих они вызывают отвращение, но сколько еще перевозноят их! И если вы своего добьетесь, то знайте, сделано немало» (Сервантес) [1, с.10]

Со второй половины XX века войны изменились. Гегемония США в мировой капиталистической системе после завершения Второй мировой войны сделала их маловероятными между ведущими странами, входившими в ядро этой системы. Достижение паритета в обладании оружием массового поражения между СССР и США, осознание самоубийственного для человечества характера масштабной ядерной войны между западным и восточным блоками (обоснование концепции «ядерной зимы» [2; 3, с. 48 - 110]) отодвинули ядерный Апокалипсис как перспективу реальной политики в сферу абстрактных возможностей. Но в результате этого войны в мире не исчезли. Они переместились в страны «третьего мира», которые стали зоной противостояния капитализма и социализма. Войны эти велись под «ядерным зонтиком». Интервенты и повстанцы, диверсанты и рейнджеры, спецслужбы и террористы, двойные агенты и революционеры-идеалисты – обычные субъекты военных конфликтов этого времени. Ситуация еще больше усложнилась с крушением мировой социалистической системы, глобализацией и кризисными явлениями в мировой капиталистической системе. По лику нашей планеты начали расползаться «войны малой интенсивности», в рамках которых практиковались этнические чистки с элементами геноцида. Террористические организации и спецслужбы все больше становились похожими друг на друга. Границы между миром и войной размывались.

В 2014 г. Украина превратилась в горячую точку, и проблемы современной войны утратили для нашей страны абстрактно-теоретический характер. Доминирующей концепцией при объяснении событий на Донбассе стала концепция «гибридная война». Постепенно она превратилась в официальную идеологическую установку, которая, с нашей точки зрения, существенно упрощает действительность и неверно ориентирует практическую деятельность военных. Поэтому мы считаем целесообразным критически рассмотреть концепцию «гибридной войны» и предложить альтернативное понимание реальности, которая скрывается за этим термином.

Исследования новой природы военных конфликтов особую интенсивность приобрели в 1990-е – 2000-е годы. Они развиваются как альтернативные по отношению к идеям прусского военного теоретика Карла фон Клаузевица. Правда, контуры нового подхода к войне были заданы еще в конце 1950-х – в начале 1960-х гг. концепцией «мятежевойны» русского белогвардейца, сотрудничавшего в годы Второй мировой войны в Югославии с нацистами, Е. Э. Месснера [4]. В работах Б. Александра [5], М. Дэйви [6], М. ван Кревельда [7] было показано, что для современных войн характерен дрейф от конвенциональности к неконвенциональности. С технико-тактической точки зрения современными стали считать войны четвертого поколения. Их конвенциональную разновидность назвали сетцентрическими войнами, а неконвенциональную – гибридными.

Концепция гибридной войны в западной военной мысли была тесно связана с концепцией модернизации. Полковник М. Бонд прямо доказывала, что гибридные войны – это название для стабилизационных операций в «несостоявшихся странах» (failing states), когда военным приходится совмещать выполнение военных и гуманитарных задач [8]. Более широкий контекст этому термину задал Фрэнк Гоффман [9], для которого эти войны связаны с глобализацией, распространением политического экстремизма и технологическими новшествами телекоммуникации. Будучи крайне неопределенным, термин «гибридная война» сделал стремительную «карьеру» во всем мире [10; 11]. В качестве модельного события при этом рассматривали Вторую Ливанскую войну 2006 г. и военные операции Израиля в секторе Газа [12]. В названных работах рассматривается сама технология войны, и на задний план отодвигается её социальная природа. На это указывает Мэри Калдор, предпочитающая идеологически нейтральный термин «новая война». Социальной особенностью новых войн она считает насильственное распространение партикулярной идентичности, которая подпитывается чудовищной жестокостью. Главными жертвами подобных войн являются мирные жители [13].

С началом российско-украинской войны на Донбассе концепция «гибридности» стала доминирующей в её описании и объяснении [14; 15]. Постепенно «гибридная война» превратилась в идеологическую доктрину, представляющую войну на Донбассе как прецедентное событие становления «гибридного мирового порядка», в котором Украина должна выступать главным противовесом России [16]. Периодически в украинском научном сообществе раздавались критические голоса, предупреждающие о том, что эта доктрина существенно ограничивает возможности понимания данного конфликта [17, с. 647]. Все чаще социологи [18] и специалисты в области политических наук [19] призывают к конкретному анализу военного конфликта на Донбассе, понимание которого не должно подводиться под некие общие

ідеологічні схеми. Однак концепція гібридної війни продовжує доминувати в політичних дебатах і в дискурсі СМІ. Необхідним спеціальним епістемологічним аналізом цієї доктрини, який до нинішнього часу не здійснювався.

Ціль даної статті – на основі епістемологічного аналізу доктрини «гібридної війни» виявити соціальні причини її превращення в ідеологічну концепцію і показати можливі шляхи деконструкції цього семантичного утворення.

Ітак, во всьому світі, а в Україні зокрема, сучасні війни, включаючи ту, яка з весни 2014 р. ведеться на Донбасі, більшістю дослідників прийнято визначати як гібридні. В невизначеному визначенні, прикладеному до слова «війна», і в утвореному таким чином понятті усвідомлюється особливий сенс. Скажемо, в нашій країні найбільш поширеним є таке визначення: «Гібридну війну в загальному вигляді розуміють як військові дії, які здійснюються шляхом об'єднання військових, квазій військових, дипломатичних, інформаційних, економічних і інших засобів з метою досягнення стратегічних політичних цілей» [16, с.19]. Але це поєднання можна знайти в будь-якій війні. Порівнював же Карл фон Клаузевиц війну з хамелеоном і зробив висновок: «Ітак ми бачимо, що війна є не тільки політичний акт, але і справжнє зброє політики, продовження політичних відносин, проведення їх іншими засобами. Те, що залишається в ній своєрідного, належить лише до своєрідності її засобів» [20, с. 55-56]. Засоби ж варіюються в залежності від обстановки.

Це змушує шукати причини поширеності поняття «гібридна війна» зовсім не в особливостях технічних засобів війни, стратегії і тактики і т.д. Серед цих причин наведемо: 1) утвердження не просто новизни сучасного етапу в військовій справі, а певної не висловлюваної прямою містичної сутності; 2) етична конотація особливої підлості; 3) самооправдання власних невдач і несподіваних дій. Крім того, містична підоплека охоче розкривається в наступному. Для цього вже створено цілу метафізику гібридної війни, в центрі якої – цивілізаційний підхід, цивілізаційний вибір і ідентичність народу як певної примордиальної вічної сутності. В сучасній Росії цій меті служить культ таких мислителів, як Н. Я. Данилевський, К. Н. Леонтьєв, І. А. Ильин і др. Для цих же потреб використовуються концепції боротьби таласократії і теллутократії. Для загальнонародного використання пропонується спрощена версія антиамериканізму. Росія виглядає островом, який з усіх сторін атакують вороги. Путінська групування всіма силами намагається злити образи В. Путіна і Росії. Реальною ж мотивацією інтересу до цієї проблематики є страх «квітичних революцій» і втрати нинішньої елітної групування своєї влади [21].

В Україні в центрі метафізики гібридної війни опинилася Росія. Вона виступає джерелом світового зла, цивілізацією, руйнуючою світовий порядок і несучою загрозу всім іншим цивілізаціям. Росія зображується єдиним джерелом «гібридних загроз» в сучасному світі, бо, як стверджує В. П. Горбулін, «поки що Москва робить те, що вона робила завжди, і достатньо успішно, – знищує існуючу реальність» [16, с.10].

Серед українських соціологів активним сторонником цивілізаційного підходу є І. П. Рущенко, який доводить, що його потенціал дозволяє пояснити особливості російсько-української війни на Донбасі. По думці вченого, «цивілізації є вищою соціальною одиницею. Вони не збігаються між собою в культурних і архетипічних вимірах народів і племен. Діалог між цивілізаціями можливий, але він значно складніший, ніж узгодження інтересів, наприклад, роботодавців і найманих працівників, де присутні тільки економічні інтереси. Відносно конфлікту, який ми розглядаємо, провалиться закладається в архетипах колективного несвідомого, символіко-міфологічної відриченості, ментальної несумісності, різниці світоглядних і ідеологічних установок двох соціальних світів, які історично втілювали Київ і Москва; відповідно, маємо конфлікт цінностей. Протиріччя набуває характеристик статичного конфлікту з відриченною суммою (все в програвші). Статичний конфлікт може зберігатися сотні років, тому що відсутня природна динаміка, а штучне рішення питання шляхом геноциду або етноциду ворожого суспільства не йде на користь агресору» [22, с. 113].

Цивілізаційне розуміння російсько-української війни у Ігоря Рущенко не зводиться до пошуку чіткої просторової межі між російською (яку він вважає «ордынською») і українською (європейською) цивілізаційними системами. В населеннях Росії і України, по його думці, змішуються представники обох цивілізацій. «... І в українському суспільстві, в т. ч. в українському етносі, завжди були шари, предані Москві і ордынській ментальності. Столкновение цивілізацій не може бути чітко позначено на карті, враховуючи змішаний склад прикордонних областей, особистий вибір, який включає як раціональну складову частину, так і неясну і мутну область індивідуального і соціального несвідомого. Однак війна і державні межі є тим моментом істини, коли теоретичні дискусії поступають місцем суворої реальності і встановлюються вже не ментальні, а фізичні межі» [22, с. 114].

И в одном, и в другом случаях мы видим, что понятие гибридной войны переводит понимание происходящих событий из политико-экономической сферы в сферы этнического бытия, культуры, ценностей. Тем самым народы как носители культур противопоставляются друг другу как непримиримые враги. В случае российско-украинской войны политические классы проводят четкие границы своего господства, отрывая народы друг от друга.

Чтобы понять современные войны необходимо принять во внимание, что, как и в былые времена, они окружены плотным идеологическим шлейфом. Всегда существует опасность принять идеологическое обоснование войны за её сущность. Для отделения войны как общественного явления от её идеологического обоснования следует её поместить в более широкий общественный контекст.

Успех предлагаемой операции зависит от её методологической обоснованности. По нашему мнению, сейчас такая методология должна соединять мир-системный анализ, теорию Второго модерна и экологическую социологию [23].

Классик мир-системного анализа Иммануил Валлерстайн уже по крайней мере четверть века говорит о глобальном кризисе мировой капиталистической системы, о перспективах её хаотизации, о повышении в связи с этим конфликтности в современном мире [24].

Сейчас появились работы его последователей, которые еще более конкретно определяют поле возникновения современных военных конфликтов. В связи с этим особо следует указать на исследование Ли Миньци «XXI век: существует ли альтернатива (социализму)?» [25]. В нем ученый показал, что после падения мировой социалистической системы определяющими в глобальном масштабе были два процесса: 1) упадок гегемонии США; 2) численный рост мировой полупериферии. О первом изменении мы будем говорить чуть позже. Сейчас же следует остановиться на втором. Если в середине XX века центр – полупериферия – периферия по численности населения соотносились как 20:20:60, то при сохранении нынешних тенденций к 2020 г. полупериферия охватит 60% населения Земли. Это уже приводит к глобальному перераспределению прибавочной стоимости. Вследствие этого меняется и политический ландшафт нашей планеты: на смену G7 пришло G20, появилось много новых субъектов мировой политики (международные организации, созданные государствами; международные НГО, террористические организации). Из-за этого возникли серьезные проблемы с конструированием и обеспечением мирового порядка. Обостряется конкуренция между слабеющими США и усиливающимся Китаем. Но эта борьба не может быть решена через замену гегемона мировой политики, как это было раньше. Ли Миньци считает, что мир уже не европоцентрический, но проблема центра в нем вообще не имеет решения.

По мнению Ли Миньци, главной проблемой современного мира является экологический кризис. Если человечество не ограничит выбросы углекислого газа в атмосферу до приемлемого уровня, то начнется необратимая деградация биосферы, что, в свою очередь, будет обострять борьбу за ресурсы между странами [25]. Уже сейчас экологические проблемы выступают дестабилизирующим фактором в мировой капиталистической системе, не находя адекватного отражения в действиях ее политических лидеров и идеологов.

Мир-системный анализ дает представление о макроструктурных предпосылках военных конфликтов, но не о механизмах их разворачивания и не об их феноменологии. Чтобы их понять, нужно увидеть, как скрытые причины заставляют действовать политических субъектов. Здесь нам большую помощь могут оказать работы американского геополитика Збигнева Бжезинского. В начале нынешнего десятилетия весь мир читал его работу «Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной власти», украинский перевод которой появился в 2012 г. [26]. В этой работе автор реагирует на события, которые он сам определяет как «головкружительный взлет Китая» и «постепенное угасание США». Геополитик дает оценку перспектив: «Это – не конец Запада как такового, это – конец его глобального господства» [26, с. 34]. По его мнению, «...Китай может стать системной альтернативой, если американскую систему считать несоответствующей» [26, с. 35].

З. Бжезинский прибегает к широким сравнениям США с другими странами. Так, в 2010 г. в мировом ВВП доля США составляла 26,3%, Европы – 28,3%, Китая – 7,43%, России – 1,86% [26, с. 138]. Тревогу у него вызывает несоответствие американской социальной модели современным потребностям. Здесь для него главным показателем выступает коэффициент Джинни, измеряющий уровень неравенства в том или ином обществе. В разных странах он имеет разные значения: США – 45,0; Бразилия – 56,7; Россия – 42,2; Китай – 41,5; ЕС – 30,4; Германия – 27,0 [там же]. В США З. Бжезинский фиксировал упадок национальной инфраструктуры и паралич политической власти. Отсюда у него рождался страх перед Китаем: «...Китай не обосновывает своих целей желанием распространить свою идеологию на весь мир. Но они все же свидетельствуют, что Китай является гордым и, пусть пока и тайно, но стремиться добиться мирового господства, заняв место Америки» [там же].

В качестве альтернативы З. Бжезинский предлагал создание объединенного Запада, который бы включал и Россию. В Азии же, по его мнению, нужно стремиться к примирению ее стран. Но, как бы там ни было, Россия нужна для контроля над Китаем. При внешней миролюбивости предложения оно чревато

серьезными конфликтами. По мнению ряда западных социологов, именно здесь завязался узел, ставший одной из причин войны на Донбассе [27, s. 32]. Польский социолог Томаш Зарицкий прямо пишет: «Можно смотреть на конфликт в Украине, используя рамку мир-системной теории, как на «экспортированный» конфликт или войну через посредников (англ. проху war). Кровавое пролитие и другие трагические аспекты названного конфликта могут несколько заслонять процессы, которые можно бы признать за позитивные эффекты стыкового статуса Украины для силы её автономии» [27, s. 135].

Ученые, имеющие дело с анализом военных конфликтов, не считают возможным сводить их к некой мировой гибридной войне. З. Бжезинский не исключал возможность возникновения в современном мире конвенционных войн. Кроме того, он говорит о различных экспедиционных операциях, борьбе с террористами и пр. [26].

В связи с нашими целями, специального анализа заслуживает «карьер» термина «гибридная война». Авторы монографии «Світова гібридна війна: український фронт» утверждают, что он вышел из корпуса морской пехоты США, который по роду своей деятельности вынужден был объединять приемы ведения боя разных родов войск [16, с. 29]. Но позже, при Дж. Буше младшем в США этот термин начал использоваться для обозначения военных операций в «несостоявшихся / павших странах» или в тех, которые приближаются к такому состоянию. Так, полковник Маргарет Бонд доказывала, что в таких операциях армия должна сочетать собственно военные действия с гуманитарными миссиями. По её мнению, военные это сделают более эффективно, чем НГО [8]. Таким образом, гибридные войны рассматривались как механизмы экспорта демократии. Сама же эта политика опиралась на теорию модернизации как воспроизведения в «отсталых» странах западных институтов.

В Украине с 2014 г. термин «гибридная война» приобрел чрезвычайно расширительную трактовку, утратив следы научности. В уже цитированной коллективной монографии Института стратегических исследований читаем: «...Гибридная война заменяет холодную войну как новая форма глобального противостояния» [16, с. 19]. Тем самым в мировую политику вносится некий иррациональный момент, делающий невозможным согласование интересов её субъектов. Сама эта доктрина работает против доверия между странами, ибо в любом действии партнера можно усмотреть элементы гибридной войны.

Часто специфику гибридной войны видят в том, что в ней существенную роль играет информационная война [28]. Однако любая война сочетает в себе насильственную борьбу и войну семантическую, информационную и т.д. Это четко было осознано уже на опыте Первой мировой войны. Эрнст Юнгер описывает, как в направлении вражеских городов регулярно отправлялись воздушные шары с листовками. Было рассчитано, сколько минут нужно, чтобы перегорела бечевка и листовки начали рассыпаться [29]. В романе Роже Мартена дю Гара «Семья Тибо» один из высокопоставленных французских чиновников отвечает на упрек: «Как вы не хотите понять, что регулярное снабжение граждан успокоительными известиями так же необходимо, как подвоз продовольствия или снарядов?» [30, с. 705]. С того времени изменились только средства ведения информационной или, что глубже, семантической войны. И еще неизвестно, какие средства являются более эффективными.

Особенности нынешних войн нужно искать в особенностях современных обществ. Ценной в этом плане является концепция Второго модерна, разрабатывавшаяся Ульрихом Беком [31] и Зигмунтом Бауманом [32; 33; 34]. Ориентируясь на эти тексты, выделю несколько черт современных обществ, которые важны для понимания изменения войн.

Первое. Второй модерн – тип общества с социальной структурой, где высший слой – транснациональная буржуазия – существует, паря над национальными государствами. Он опирается на глобализированные экономические институты (транснациональные корпорации, транснациональные банки и т.д.), которые являются элементами транснационального капитализма. Последний не тождественен сумме национальных рынков. Транснациональная буржуазия стала во многом бесконтрольной. Её деятельность трудно отслеживать территориальным государствам, но она регулярно вмешивается в их функционирование, преследуя партикулярные цели. Это образование неоднородное, внутренне конфликтное. Его фракции могут действовать в связке с разными группами национальных элит, толкая их к внутринациональной борьбе. Деятельность этого слоя является одним из важнейших факторов дестабилизации современного мира.

Второе. В этих условиях произошло ослабление национальных государств, утрата ими многих регулирующих функций. Элитные группы функционально приватизируют государственные институты. Из-за этого достижение общественного блага и социальной справедливости, которые являются двумя сторонами одной сущности, становится неуверенным.

Третье. Общества Второго модерна систематически производят риски. Это происходит во всех сферах их жизнедеятельности. Создание ГМО ведет к угрозе неконтролируемого дрейфа генов в биосфере с непредсказуемыми последствиями. Создание одних лекарств запускает возникновение новых штаммов вирусов, требующих других лекарств. Данные примеры лишь наиболее наглядные. Эксперименты с образованием таят не меньше рисков, чем изобретения, используемые в экономической деятельности.

Одним из рисков стала возможность ядерной войны. Несколько смягчает этот риск возникновение так называемых «войн под ядерным зонтиком», хотя они же создали новые риски.

Четвертое. Общества Второго модерна являются глубоко индивидуализированными. Для людей наёмного труда индивидуализация вылилась в радикальную атомизацию со всеми прелестями случайности и неустойчивости положения в обществе. Вместо пролетариата сформировался прекариат, объединяющей характеристикой которого является «состояние крайней дезинтеграции, пульверизации, атомизации» [34, с. 80]. Такие изменения в социальной структуре ведут к капитализму без демократии, а в плане личной судьбы возлагают всю ответственность за успех и неудачу на самого индивида. Прекариат становится поставщиком наёмников для НГО, создаваемых транснациональной буржуазией. В странах мировой периферии из его представителей формируют частные армии и армии политических партий. Из его же состава мобилизуют солдат для фронтов новых войн.

Образ любой войны можно понять через метафору, лежащую в основе её описания. Войны Первого модерна были войнами государственных машин. Победить – это силой сломать вражескую машину и получить контроль над ее территорией. Во времена Первого модерна существовала метафорическая двойственность механизм/организм. Когда акцент в понимании войны делался на организме, усиливались биологические коннотации борьбы, а образ государства сливался с тем, что П. Сорокин любил называть популяцией, т.е. с народом [35]. Тут открывалась перспектива тотальной войны с геноцидом как своей высшей формой.

Войны Второго модерна связаны с идеями синергетики и с метафорой самоорганизации. В них в военных целях используются взаимопереходы порядка и хаоса. Представляется, что эта связь имеет не только подсознательный характер. Новая концепция войны, очевидно, разрабатывалась с ориентацией на синергетику как науку. Хотя последняя изначально возникла в предметном поле естественных наук, но прикладное применение нашла в общественной практике. Хаотизация общественной жизни с последующими точечными воздействиями с целью канализировать процессы в нужном направлении стали боевым оружием. Уже у основоположника синергетики Германа Хакена мы встречаем разработки, которые касаются политических революций. Он обосновывает представление о стереотипах как возможных параметрах порядка, рассматривая их как «ключевые слова, используемые с целью представить определенное положение вещей» [36, с. 204]. Достаточно определенно он пишет и о СМИ: «Было бы наивно и ошибочно – а кое-кто, по всей видимости, впадает в такое заблуждение – говорить о том, что средства массовой информации суть не что иное, как отражение общественного мнения. Отнюдь! Средства массовой информации обладают собственной динамикой, тесно связанной с основными принципами синергетики» [36, с. 199]. Поэтому войны, называемые гибридными, с большим правом можно было бы назвать синергетическими.

Однако сама по себе синергетика новых войн не создала. Использование её идей в боевых целях связано с иным явлением современной общественной жизни. Его я называю *буржуазным бланкизмом*. Он имеет весьма отдаленное отношение к французскому революционеру XIX в. Огюсту Бланки. Просто этот представитель утопического (романтического) коммунизма считал, что общество всегда готово к революции. Дело за революционерами, за их решимостью и энергией! [37].

Представители транснациональной буржуазии также уверены, что при помощи политтехнологий они способны изменять реальность в любой стране, положение в которой их не удовлетворяет. Именно буржуазия во время Второго модерна использует лозунг революции для запланированных и организованных смен власти. Реально во время этих событий не меняется характер общественного строя, что является главным признаком революции. Отсутствует здесь и идеология радикального обновления. Её заменяет микс модернизационных идей и популистских лозунгов. Из-за этого цепь подобных событий в последние два десятилетия получила название «цветных революций».

Организаторы подобных протестных акций вполне трезво учитывают то обстоятельство, что практически во всех современных обществах существует недовольство низов верхами, растущим неравенством. Этот базовый уровень недовольства обеспечивает присоединение части депривированных граждан к организованным протестным акциям. Кроме того, в каждой современной стране есть достаточный контингент молодых людей, которые лишены реальных общественных перспектив и готовы к протестам. Их с помощью специально созданных НГО превращают в активистов-наёмников, и они становятся ударной силой в борьбе. В остальном буржуазные бланкисты полагаются на тактику заговоров и финансовую подпитку продажных фракций национальных элит, на их ориентацию на разные центры иностранного влияния.

В сущности, в период Второго модерна разница между подобными «революциями / контрреволюциями» и синергетическими войнами исчезает. Их развитие можно представить формулой: хаотизация того или иного общества → процессы самоорганизации, происходящие под влиянием извне, кристаллизация новых организационных структур, появление лидеров, готовых взять на себя

представительство общества → точечные информационные и силовые воздействия, которые должны создать аттракторы в процессе самоорганизации → установление новых параметров порядка.

Безусловно, каждую из войн Второго модерна нужно анализировать конкретно. Вместе с тем анализ каждой новой войны добавляет что-то к пониманию общей природы войн подобного типа. Скажем, Мэри Калдор на основе опыта войн в Афганистане, Ираке и особенно в Боснии и Герцеговине пришла к выводу, что новые войны ведутся под лозунгами партикулярных идентичностей. «В противоположность геополитическим или идеологическим целям прежних войн цели новых лежат в области политики идентичности (*identity politics*). <...> Под политикой идентичности я понимаю притязание на власть на основе партикулярной идентичности – будь то национальной, клановой, религиозной или языковой» [13]. Новые войны нацелены, в первую очередь, на мирное население. «Новая война стремится контролировать насилие, расправляясь с любым носителем иной идентичности (и более того – и иных взглядов) и нагнетая атмосферу террора. Следовательно, стратегическая цель этих войн состоит в том, чтобы мобилизовать политику экстремизма, базирующуюся на страхе и ненависти. <...> ...Здесь речь идет об использовании рассчитанного на внешний эффект, зачастую ужасающего насилия, создающего атмосферу страха и порождающего конфликты» [13].

Российско-украинская война на Донбассе также позволяет сделать некоторые выводы о природе новых войн. Подобные войны являются войнами правящих группировок, в которых население используется как средство. Несмотря на идеологическое обоснование, они выполняют функцию экстернализации издержек в процессе капиталистического производства. И. Валлерстайн давно обратил внимание на то, что условия для этого значительно сузились. Капиталисты не могут экстернализовать издержки за счет их перекладывания на население колониальных стран или за счет хищнического использования природной среды [24]. Именно новые войны стали неожиданной формой экстернализации издержек. Отсюда контрабанда и нелегальные рынки с высокими ценами, которые не могут сложиться в нормальных условиях.

Однако для создания условий, позволяющих экстернализовать издержки, нужно добиться согласия на это хотя бы части населения. Поэтому в Украина подготовка войны была связана со стимулированием региональных противостояний, распространением донбассофобии и галичинофобии. Были сформированы целые бригады интеллектуалов, которые работали на отторжение Крыма и Донбасса. Другие группы занимались раскручиванием галицкого сепаратизма. Создавались отвратительные образы регионов, особенно Донбасса и Галичины. Вот, скажем, пишет луганский журналист Валентин Торба: «Апатичный, беспомощный Луганск. Слово «политика» здесь звучит так же, как «университет» на селе. Бражка. Причем паленая, ядовитая бражка. От неё воняет на метры. Эту вонь хочется обойти, заниматься чем-то практичным, полноценным» [38, с. 27]. Так, умышленно или из любви к искусству, массы людей в регионе подталкивались к тому, чтобы связать свои надежды с агрессором. Готовились условия для того, чтобы именно у него искать защиты и экзистенциальной безопасности. Это одна из предпосылок того явления, которое я уже предложил называть «луганским синдромом» [39].

Первый период войны предполагает рост хаотизации. Для этого используются террористические методы. Скажем, в Луганске пророссийские боевики размещали «Грады» среди жилых домов, возле больниц. Автор этих строк сам был свидетелем стрельбы от автовокзала, из жилого микрорайона. Отстрелявшись, «Грады» уезжали из жилых массивов, а жильцам оставалось ждать «ответку». На свежие трупы, как правило, первыми поспевают российские тележурналисты.

И последнее, *last but not least*. Мирным жителям в подобных войнах сложно сделать однозначный моральный выбор. Эти войны раскалывают единые человеческие общности, заставляя их представителей смотреть друг на друга как на врагов. Но в глубине души при этом, видимо, у большинства сохраняется ощущение ненормальности происходящего.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что «гибридная война» используется сегодня как понятие-маска, выполняющее идеологические функции. Его принятие и широкое распространение политиками и журналистами базируется на том очевидном обстоятельстве, что в войнах низкой интенсивности большую роль играют невооруженные формы противостояния. Однако специфика новых войн может быть понята лишь в контексте широких общественных изменений, связанных с дезорганизацией мировой капиталистической системы и становлением общества Второго модерна. Появление особого слоя транснациональной буржуазии, радикальная атомизация людей наемного труда, формирование прекариата подготовили использование идей синергетики в боевых целях. У идеологов и политических представителей транснациональной буржуазии возникла иллюзия, что любое общество можно изменить в соответствии со своими интересами. Это стало предпосылкой возникновения буржуазного бланкизма, который и есть подлинной сущностью общественных процессов, скрытых за неопределенным понятием «гибридные войны».

ЛИТЕРАТУРА: 1. Сервантес Сааведра Мигель де Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанский. В 2-х томах. Том 1. – М.: Правда, 1979. – 592 с. 2. Александров В. В. Об одном вычислительном эксперименте, моделирующем климатические

последствия ядерной войны/ В. В. Александров, Г. Л. Стенчиков // Журнал вычислительной математики и математической физики. – 1984. – Том 24- №1. – С. 140–144. **3.** Моисеев Н. Н. Экология человека глазами математика: (Человек, природа и будущее цивилизации) / Н. Н. Моисеев. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 254 с. (Серия: Эврика). **4.** Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера / под общей редакцией В. И. Марченкова. – М.: Военный университет; Русский путь, 2005. – 696 с. **5.** Александер Б. Как выигрывают войны / Бевин Александер / пер. с англ. В. Бельенького. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 608 с. (Серия: Классическая военная мысль). **6.** Дэйви М. Эволюция войн / Морис Дэйви / пер. с англ. Л. А. Калашниковой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 382 с. **7.** Ван Кревельд М. Трансформация войны/ Мартин ван Кревельд/ пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес букс, 2005. – 344с. **8.** Bond M. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. Strategy Research Project / Colonel Margaret S. Bond. – U.S. Army War College, Carlisle Barracks, Carlisle, PA, 2007. – 25 p. [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://www.comw.org/qdr/fulltext/0703bond.pdf> **9.** Hoffman F. G. Hybrid Warfare and Challenges / Frank G. Hoffman // JFQ. – 2009. – Issus 52. – 1 quarter. – P.p.34 – 39. **10.** Fleming B. The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art / Major Brian P. Fleming. – Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies (SAMS), 2011. – 69 p. [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://indianstrategicknowledgeonline.com/web/2753.pdf> **11.** Buta V. Perspectives on the evolution and influence of the hybrid warfare concept / Brigadier General (r.) Dr Viorel Buta, Colonel Valentin Vasile // Romanian Military Thinking. – 2015. – №3. – P. 11 – 32. [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://smg.mapn.ro/gmr/Engleza/Ultimul/buta,vasile-p.11-32.pdf> **12.** Johnson D. E. Military Capabilities for Hybrid War Insights from the Israel Defense Forces in Lebanon and Gaza / David E. Johnson. – Santa Monica: RAND Corporation, 2010. – 20 p. [Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2010/RAND_OP285.pdf **13.** Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Мэри Калдор / Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смиронов, В. Софронов. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etextlib.ru/Book/Details/60723> **14.** Рущенко І. П. Російсько-українська гібридна війна: погляд соціолога / Ігор Петрович Рущенко. – Харків: ФОП Павленко О. Г., 2015. – 268 с. **15.** Требін М. П. Соціологія війни: український контекст / Требін Михайло Петрович // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. – Харків. – 2015. – №1148. – Вип. 34. – С. 30 – 34. **16.** Світова гібридна війна: український фронт. Монографія / За загальною редакцією В. П. Горбуліна. – К.: НІСД, 2017. – 496 с. **17.** Лісничук О. Наукові дискусії про національні інтереси /Олесь Лісничук // Політична наука в Україні. 1991 – 2016. У двох томах. – Т. 2. Теоретико-методологічні засади і концептуальні підсумки вітчизняних досліджень / ред. колегія тому Олег Рафальський, Марія Кармазіна, Олександр Майборода. – К.: Парламентське видавництво, 2016. – С. 635 – 649. **18.** Хобта С. В. Соціологія війни як завдання української соціології / Світлана Вікторівна Хобта // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. – 2016. - № 5 (302). – С. 126 – 150. **19.** Бадер А. В. Трансформація засобів та форм реалізації збройного насилля у сучасному світі / А. В. Бадер // Грані. Науково-теоретичний альманах. – 2016. – №138 (10). – С. 60 – 65. **20.** Клаузевиц К. О войне /Карл фон Клаузевиц / пер. с нем. А. Рачинского. – М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1998. – 448 с. **21.** Манойло А. В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике /А. В. Манойло // Право и политика. – 2015. – №7. – С. 918 – 929. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.7.15832 **22.** Рущенко І. П. Конфлікти в зоні АТО: зміст і методика виміру / Ігор Петрович Рущенко // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – Вип. 37. – Харків, 2016. – С. 108 – 114. **23.** Кононов І. Ф. Соціологія в умовах кризи і війни: проблема методологічної спроможності / Ілля Федорович Кононов // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки / ДЗ ЛНУ імені Тараса Шевченка. – №5 (302), травень 2016. – С.5 – 55. **24.** Валлерстайн І. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Иммануил Валлерстайн / пер. с англ. под ред. Б. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. — М.: Логос, 2003. — 368 с. **25.** Лі Мінці. XXI сторіччя: чи існує альтернатива (соціалізму)? / Переклав Роман Дрямов // Спільне. Журнал соціальної критики. – [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://commons.com.ua/ru/chi-isnyue-alternativa-socializmu/> **26.** Бжезінський З. Стратегічне бачення: Америка і криза світової влади / Збігнєв Бжезінський / Пер. з англ. Ганна Лелів. – Львів: Літопис, 2012. – 168 с. **27.** Polska jako peryferie/ redakcja naukowa Tomasz Zarycki. - Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2016. – 356 s. **28.** Позубенков П. С. Гибридные войны в современном информационном пространстве / П. С. Позубенков, С. П. Позубенков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 1121–1125. – Режим доступа: <http://e-concept.ru/2016/86243.htm>. **29.** Юнгер Е. В сталевиx грозах /Ернст Юнгер / Переклав з нім. Юрко Прохасько. – Чернівці: Книги – XXI, 2014. – 324 с. **30.** Мартен дю Гар Р. Семья Тибо / Роже Мартен дю Гар / пер. с фр. – Т.2. – М.: Художественная литература, 1972. – 911 с. (Библиотека всемирной литературы. – Т. 167). **31.** Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Ульрих Бек / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с. **32.** Бауман З. Индивидуализированное общество / Зигмунт Бауман / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с. **33.** Бауман З. Текущая современность / Зигмунт Бауман / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008.— 240 с. **34.** Бауман З. Моральна сліпота. Втрата чутливості у плінній сучасності / Зигмунт Бауман, Леонідас Донскіс / пер. з англ. О. Буценка. – К.: Дух і Літера, 2014. – 280 с. **35.** Сорокин П. А. Забытый фактор войны / П. А. Сорокин // Социс. – 1999. – №.11. – С. 3 – 12. **36.** Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Герман Хакен / Пер. с нем. А. Р. Логунова. – Москва – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. – 320 с. **37.** Молчанов Н. Н. Огюст Бланки / Н. Н. Молчанов. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 416 с. (Серия: Жизнь замечательных людей. Вып. 10 (650)). **38.** Торба В. Я – свідок. Записки з окупованого Луганська / Валентин Торба. – К.: Українська прес-група, 2015. – 384 с. (Бібліотека газети «День»). **39.** Кононов І. Ф. Луганський синдром як масова аномічна реакція на розгортання гібридної війни / Ілля Федорович Кононов // Девіантна поведінка: соціологічний, психологічний та юридичний аспекти: матеріали наук-практ. конф. (Харків, 10 квіт. 2015) / МВС України, Харк. нац. ун-т внутр. справ, Ф-т права та масових комунікацій, Кафедра соціології та психології, Соціологічна асоціація України. – Х.: ХНУВС, 2015. - С.10-16.